

Глава 37. Цзя Чжу вступает на государственную службу, а Ши Сяньюнь прибывает в поместье (Часть 2)

Вскоре после того, как Цзя Чжу заступил на службу в Академию Ханьлинь в звании шуцзиши, из поместья Линь пришла благая весть. Спустя год после рождения Дайюй в семье Линь снова праздновали прибавление — на свет появился сын, которого нарекли Линь Сиюем. Сюйюй, узнав об этом, не помнил себя от радости. Он всем сердцем ждал того дня, когда родной младший брат подрастет и впервые назовет его старшим братом.

Цзя Чжу, однако, знал, что мальчик родился чрезвычайно слабым и выходить его будет непросто. Цзя Минь, разрешаясь от бремени, едва не рассталась с жизнью, а последовавшие за родами осложнения лишь подорвали ее и без того хрупкое здоровье. Помня об этом, Цзя Чжу настойчиво твердил домочадцам Линь о надобности беречь дитя пуще глаза. Малышу поспешили надеть защитный амулет с именем, в кумирне поставили дощечку долголетия, а также щедро оплатили обряд пострига духовного двойника — нашли послушника-заместителя, который принял монашеский сан под именем новорожденного, дабы отвести от него злых духов и болезни. В глубине души Цзя Чжу рассуждал прагматично: если судьба действительно свяжет его с Сююем, о продолжении рода последнему придется забыть. И теперь, по крайней мере, у Линей оставался младший сын, способный унаследовать родовое имя и продолжить их кровную линию.

Тем временем в поместье Жунго наложница Чжао разрешилась вторым ребенком. На этот раз родился мальчик, которого называли Цзя Хуанем. Счастливая мать без умолку возносила благодарности Небесам, ведь отныне она была единственной из наложниц, подарившей господину сына. Чжао-ши лелеяла надежду, что если вырастит мальчика и выведет его в люди, то обеспечит себе надежную опору на старость.

Госпожа Ван, видя, что наложница Чжао понесла и разродилась сыном едва ли через год после появления на свет Таньчунь, едва не лопнула от злости. Но дитя уже явилось на свет, обратно в утробу его не воротишь. Скрепя сердце и лелея глухую обиду, она вспомнила о своем прежнем умысле, опробованном при рождении Таньчунь: вознамерилась забрать маленького Цзя Хуаня под свое крыло и воспитывать сама.

Однако Чжао-ши на сей раз оказалась куда изворотливее. Прекрасно понимая, что младенец — ее единственный щит и опора, она ужаснулась: отдай она дитя законной супруге, и в этом змеином гнезде, коим являлся внутренний двор, никто больше не станет считаться с ней. Того и гляди, подстроят какую-нибудь каверзу да вышвырнут из поместья! Мысленно она слала госпоже Ван самые черные проклятия.

«Сама-то и сына, и дочь имеет! — негодовала наложница. — С тех пор как ее первенец сдал экзамены и выбился в чиновники, она окончательно потеряла стыд, отбросила прежнее притворное смирение и только и думает, как бы подмять под себя все поместье Жунго! А теперь посягает на мою единственную кроху, желая лишить меня последней надежды. Да она же просто сжить меня со свету хочет!»

Решив стоять до конца, Чжао-ши поклялась, что ни за что не уступит госпоже Ван.

Едва служанки госпожи Ван явились, чтобы унести новорожденного, Чжао-ши пустила в ход все свои таланты: она каталась по полу, оглашала дом истошными воплями, причитала, притворялась безумной и билась в припадках. Поднялся такой невообразимый шум, что весть о бесчинствах во внутреннем покое мигом долетела до ушей матушки Цзя.

Подле старой госпожи и так уже подрастали двое внуков — Баоюй да Цзя Лянь, да еще три внучки — Юаньчунь, Инчунь и Таньчунь. Возиться еще и с худородным младенцем от наложницы матушке Цзя совершенно не хотелось. Узнав, что из-за младенца во внутреннем дворе разыгралось непотребное зрелище, старая предводительница рода велела госпоже Ван оставить ребенка при родной матери. Против воли матушки Цзя не попрешь — госпоже Ван пришлось смирить гордыню и уступить настырной наложнице.

Этот нелепый случай, однако, заставил матушку Цзя крепко задуматься о том, как госпожа Ван ведет дела в доме. Прежде, когда делами заправляла покойная супруга старшего сына, Ли-ши, невестка из рода Ван держалась скромно и не выказывала своих притязаний. Но стоило власти перейти в ее руки, как непомерное властолюбие госпожи Ван полезло наружу. Вспомнить хотя бы, как она самовольно отселила Цзя Чжу во внешний двор, или теперешнюю грызню с Чжао-ши из-за малютки Хуаня.

К тому же, неужели старая госпожа не заметила, как она исподволь подбирается к женитьбе Цзя Ляня? В доме Цзя сплетников и донощиков всегда хватало, и до ушей матушки Цзя доходили любые толки. Свадьбой Цзя Чжу теперь распоряжался император, тут невестке ловить было нечего, и она нацелилась на Цзя Ляня. Благо тот рос под ее присмотром в поместье Жунго — держи на коротком поводке сколько вздумается. Расчет поистине тонкий и хитроумный. Если и Цзя Ляню навяжут невесту из рода Ван, то в поместье Жунго и вовсе не останется места иным фамилиям — все приберет к рукам эта алчная семейка!

Для любого, кто познал сладость безраздельной власти, зрелище того, как вожжи правления ускользают из рук, невыносимо. Матушка Цзя оставалась верховной владычицей дома Жун, прежней полновластной хозяйкой залы Жунси, и никто из младшего поколения не смел и пикнуть без ее дозволения.

«Ишь, чего удумала, Ван-ши! — мысленно усмехнулась старая госпожа. — Решила все наши владения превратить в приданое своего клана? Ну уж нет, поглядим еще, чья возьмет!»

В голове старой госпожи созрел искусный план. «Пока Баоюй при мне, и пока я дышу, его женитьбу буду решать только я, — размышляла она. — Ты думаешь заполнить этот дом девицами из рода Ван? Что ж, посмотрим, не найду ли я им достойного противовеса».

Первой ей на ум пришла Дайюй. По слухам, внучка росла точной копией ее любимой дочери Цзя Минь. Сердце матушки Цзя обливало нежностью при одной мысли о девочке; всю свою неизбывную тоску по ушедшей дочери она переносила на внучку.

«Вот бы забрать дорогую внучку в поместье Жунго, — вздыхала она. — Какое бы это было счастье».

Но Лини упрямо держали девочку дома, ссылаясь на ее слабое здоровье и не позволяя уезжать в гости. Из-за этого матушке Цзя, при всем ее желании, оставалось лишь бессильно вздыхать.

Вскоре, однако, из столицы от маркиза Чжунцзина из рода Ши пришла горестная весть. Отец юной Ши Сяньюнь скончался от тяжелого недуга, а следом за ним безвременно ушла в могилу и мать. Девочка осталась круглой сиротой и временно ютилась в доме дяди.

Матушка Цзя, узнав о несчастье, рассудила здраво: какими бы добрыми ни были дядя да тетки, чужая кровь всегда останется чужой. Разве смогут они окружить сиротку искренней заботой? Старая госпожа без промедления отправила весточку родичам из дома Ши и велела привезти малолетнюю Сяньюнь в поместье Жунго.

«Сяньюнь — плоть от плоти моего родного гнезда, — грела себя мыслью матушка Цзя. — Пускай растет бок о бок с Баюем. Глядишь, сдружатся с малых лет, привыкнут друг к другу, а там и до счастливого брака недалеко. Чем не благословенный союз?»

<http://bllate.org/book/18221/1761880>